

DOI 10.31483/r-156559

Кугай Александр Иванович

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ АЛГОРИТМИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: КРИЗИС СУБЪЕКТНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ЭТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИИ

***Аннотация:** в главе исследуются антропологические и институциональные риски, возникающие в процессе тотальной алгоритмизации государственного и муниципального управления. Автор обосновывает концепцию «власти без лица», при которой использование искусственного интеллекта (ИИ) становится инструментом деперсонализации ответственности и утраты субъектности чиновника. В работе анализируется генезис алгоритмической бюрократии от идей М.М. Сперанского до современной доктрины «Код есть Закон» («Code is Law»). Особое внимание уделено проблеме «алгоритмической предвзятости» (Algorithmic Bias) и рискам «цифровой слепоты» государства в вопросах демографии и социальной поддержки. В качестве решения предлагается утверждение принципа «права на прямой взгляд» и восстановление административного усмотрения как фундамента этичного цифрового управления.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, государственное управление, алгоритмическая подотчетность, административное усмотрение, цифровая тирания, субъектность власти, этика ИИ, демографическая политика.*

***Abstract:** this chapter examines the anthropological and institutional risks arising from the total algorithmization of state and municipal governance. The author substantiates the concept of “faceless government,” in which the use of artificial intelligence (AI) becomes a tool for the depersonalization of responsibility and the loss of official agency. The paper analyzes the genesis of algorithmic bureaucracy, from the ideas of M.M. Speransky to the modern doctrine of “Code is Law.” Particular attention is paid to the problem of “algorithmic bias” and the risks of “digital blindness” of the state in matters of demography and social support. A solution is proposed: the adoption*

of the principle of “right to direct view” and the restoration of administrative discretion as the foundation of ethical digital governance.

Keywords: *artificial intelligence, public administration, algorithmic accountability, administrative discretion, digital tyranny, subjectivity of power, AI ethics, demographic policy.*

Введение.

Современная эпоха государственного управления характеризуется переходом от классических моделей «электронного правительства» к парадигме «алгоритмического государства» [1; 3]. Внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) в контур принятия государственных решений интерпретируется сторонниками технократического подхода как инструмент минимизации «человеческого фактора», ассоциируемого с вероятностью ошибок, коррупционных проявлений и управленческой неэффективности. Однако за фасадом цифровой оптимизации обнаруживается фундаментальный вызов, определяемый в рамках данного исследования как *антропологический риск* деперсонализации властных институтов [2; 4].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что алгоритмизация ГМУ (государственного и муниципального управления) в 2026 году вышла за пределы технических сервисов и затронула сущностные основы государственности – субъектность и ответственность. В условиях, когда сложные социальные задачи – от распределения бюджетных льгот до демографического прогнозирования – делегируются нейросетевым моделям, возникает феномен «*власти без лица*». Это ситуация, при которой управленческое решение перестаёт быть актом воли конкретного должностного лица и превращается в результат анонимных вычислений.

Проблема исследования заключается в нарастающем противоречии между «математической правотой» алгоритмов и этической необходимостью административного усмотрения. Искусственный интеллект, лишённый антропологического опыта и этической рефлексии, оперирует категориями эффективности, но

игнорирует категории справедливости и милосердия. В результате мы наблюдаем *кризис субъектности*: чиновник из активного морального агента трансформируется в технического оператора, чья основная функция сводится к верификации выводов алгоритма. Это ведёт к формированию «цифрового алиби» – системной возможности уклонения от персональной ответственности под предлогом «объективности системы».

Целью данной главы является анализ пределов этического регулирования ИИ в ГМУ и обоснование необходимости сохранения «человеческого зазора» в процессах принятия решений. Мы выдвигаем гипотезу, что полная алгоритмизация биополитических и социальных функций государства ведёт к потере легитимности власти, так как разрушает живую связь между государством и гражданином, заменяя её статистическим расчётом данных.

В рамках исследования будут рассмотрены исторические корни механистического подхода к управлению, начиная с идей М.М. Сперанского, и проведена параллель с современной доктриной «Код есть Закон». Особое внимание уделяется критическому анализу концепции «алгоритмической предвзятости», в рамках которой под маской объективности могут маскироваться лоббистские интересы и социальные преференции разработчиков.

В конечном итоге автор стремится доказать, что в условиях цифровой трансформации высшей ценностью ГМУ становится не скорость обработки данных, а *«право на прямой взгляд»* – способность системы управления видеть за цифрой человека, сохраняя за собой право на исключение из правил в целях соблюдения принципов социальной справедливости.

Методология исследования. Работа базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем следующие подходы.

1. *Институциональный анализ*: исследование трансформации бюрократических процедур в алгоритмические протоколы.
2. *Сравнительно-исторический метод*: сопоставление веберовской модели рациональной бюрократии и современных моделей «Algorithmic Governance».

3. *Критическая социальная теория: использование концепции «Black Box Society»* (Ф. Паскуале) для анализа непрозрачности алгоритмических решений.

1. *Генезис алгоритмической бюрократии: от механистического идеала М. Сперанского до доктрины «Код есть Закон».*

Истоки современной алгоритмизации государственного и муниципального управления (ГМУ) лежат в глубокой модернистской традиции поиска «идеального порядка» через формализацию властных процедур. Генетически этот процесс восходит к реформаторским проектам начала XIX века, в частности, к деятельности М.М. Сперанского. Его стремление к строгой регламентации государственного аппарата можно рассматривать как раннюю форму прото-алгоритмизации бюрократии.

Сперанский, оперируя понятиями математической логики, пытался превратить государственную машину в предсказуемый часовой механизм, где каждый чиновник является лишь элементом (функцией) в общей системе координат власти. Его «Табель о рангах» и экзамены на чин фактически представляли собой алгоритм верификации кадрового капитала. Однако антропологический риск этого подхода был осознан уже тогда: превращение управления в механику неизбежно ведёт к дефициту гибкости. Как отмечают исследователи наследия Сперанского, его «механистический идеал» столкнулся с иррациональностью российской действительности, породив метафорический образ «Медведя в мундире», который пытается подчинить живую ткань общества формальному уставу.

В XXI веке этот процесс получил логическое завершение в доктрине Лоуренса Лессига [11] «Код – это Закон» (2006). Суть данной концепции заключается в том, что в цифровой среде программный код берёт на себя функции юридических норм, но делает это с абсолютной эффективностью, не предполагающей толкования. Если текст закона в XIX веке оставлял зазор для интерпретации (административного усмотрения), то программный код архитектурно исключает возможность отклонения от заданного сценария.

Зарубежные исследователи, такие как Фрэнк Паскуале (2015) в работе «Общество чёрного ящика: тайные алгоритмы, контролирующие деньги и информацию» [13], указывают на опасную трансформацию: власть из публичного пространства закона перемещается в закрытое пространство алгоритма. Происходит переход от «веберовской бюрократии», основанной на иерархии и правилах, к «алгоритмическому управлению». Основным антропологическим риском здесь становится утрата субъектности чиновника. В системе, где «код – это закон», государственный служащий из субъекта воли превращается в технического оператора.

Более того, как подчёркивает Тим Ву (2016) [16] в анализе систем контроля, алгоритмизация ГМУ порождает феномен «автоматизированной тирании», где отсутствие человеческого участия в процессе принятия решений преподносится как высшая форма объективности. На деле же за механистическим фасадом часто скрываются интересы разработчиков алгоритма. Таким образом, путь от чернильного пера Сперанского [6] до облачных нейросетей – это путь последовательного отчуждения человека от процесса управления, где итогом становится анонимная власть, лишённая не только лица, но и персональной ответственности.

Сперанский – великий реформатор, мечтал превратить хаос российской действительности в безупречный часовой механизм. Он, вероятно, был бы первым идеологом «цифрового правительства».

Как показано в Таблице 1, разрыв между моделью Сперанского и современным ИИ заключается в утрате субъектности.

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей государственного управления¹

Параметр сравнения	Классическая бюрократия (М. Вебер/М. Сперанский)	Алгоритмическая бюрократия (Algorithmic Governance)
Носитель нормы	Текст закона (бумага)	Программный код (алгоритм)
Субъект решения	Должностное лицо (персона)	«Чёрный ящик» (анонимная нейросеть)

¹ Составлено автором на основе анализа [Lessig 2006; Pasquale 2015].

Гибкость системы	Административное усмотрение (совесть чиновника)	Жесткая логика кода (бинарный выбор: 0 или 1)
Тип ответственности	Персональная (подпись/честь)	Техническая (ошибка системы/баг)
Способ оспаривания	Публичная апелляция/Суд	Запрос в техподдержку/Пересмотр кода

II. Этическая дилемма «оцифрованной совести» и феномен алгоритмического лукавства.

Центральным вызовом современной цифровой трансформации ГМУ является попытка переноса этических категорий в математические модели. Исследование проблемы «оцифровки совести» в научной литературе последних лет сместилось от абстрактного гуманизма к анализу концепции «алгоритмической предвзятости». Мы полагаем, что декларируемая «непредвзятость» ИИ является гносеологической иллюзией: алгоритм не устраняет субъективность, а инкапсулирует её, делая недоступной для критики.

Как отмечает Кэти О'Нил (2016) в своей фундаментальной работе «Оружие математического уничтожения» [12], алгоритмические модели часто становятся инструментами «математического уничтожения» социальной справедливости. Проблема заключается в том, что в код закладываются так называемые «прокси-переменные», которые косвенно отражают предрассудки разработчиков или скрытые интересы заказчиков. В контексте ГМУ это порождает феномен, который мы определяем как *«алгоритмическое лукавство»*. Ироничный тезис о том, что ИИ «честен, пока ничего не покупает и не продаёт», находит научное подтверждение в исследованиях Фрэнка Паскуале (2015) [13]. Он доказывает, что алгоритмические системы – это не «зеркала реальности», а инструменты активного конструирования социальной среды в интересах тех, кто контролирует «чёрный ящик».

Антропологический риск здесь заключается в подмене морального выбора технической оптимизацией. Если веберовский чиновник, принимая решение, осознаёт конфликт между инструкцией и совестью (что выражается в его психологическом состоянии, сомнениях, «способности краснеть»), то ИИ лишён этого

этического напряжения. Вирджиния Юбэнкс (2018) в книге «Автоматизация неравенства» [9] на богатом эмпирическом материале демонстрирует, что автоматизация систем принятия решений в социальной сфере часто ведёт к «цифровому линчеванию» наиболее уязвимых слоёв населения. Алгоритм, настроенный на максимизацию эффективности (бюджетную экономию), всегда будет «вымывать» из системы тех, чьи случаи не вписываются в стандартную модель.

Таблица 2

Матрица «Алгоритмического лукавства»²

Вид предвзятости	Механизм реализации в ИИ	Антропологический риск
Предвзятость данных	Обучение на исторических ошибках прошлого	Закрепление социального неравенства в коде
Предвзятость дизайна	Внедрение в алгоритм интересов лоббистов	Переход от общего блага к частной выгоде оператора
Иллюзия объективности	Использование «сухих» цифр вместо контекста	Утрата государством способности к сочувствию
Анонимность кода	Соккрытие логики принятия решения (Black Box)	Невозможность найти виновного в «ошибке системы»

Таким образом, мы сталкиваемся с кризисом моральной подотчётности (Moral Accountability). В классической модели управления предвзятость субъективна и, следовательно, может быть оспорена в публичном поле. Алгоритмическое лукавство, напротив, легитимизируется через авторитет цифры. Как подчёркивает Нир Эяль (2014) [10], мы имеем дело с формированием систем, которые «программируют» поведение не через убеждение, а через архитектурное принуждение. В результате совесть как инструмент индивидуального этического контроля подменяется «этикой дизайна», где все решения принимаются на этапе написания кода, оставляя государственного служащего в роли пассивного исполнителя воли анонимного алгоритма.

Здесь мы сталкиваемся с главным мифом цифровой эпохи – мифом о «неподкупности» математики.

III. Социально-экономические вызовы биополитики: «демографическая слепота» государства в эпоху надзорного капитализма.

² Составлено автором на основе анализа [Lessig 2006; Pasquale 2015].

Переход к алгоритмическому управлению в наиболее чувствительных сферах, таких как демография и социальная поддержка, порождает системный конфликт между количественными методами контроля и качественными задачами воспроизводства человеческого капитала. В данном контексте уместно применить теорию Шошаны Зубофф (2019) о «надзорном капитализме» [14], адаптировав её к деятельности современного государства.

Зубофф утверждает, что новая цифровая архитектура превращает человеческий опыт в «поведенческий избыток» для последующей коммерческой или управленческой обработки. В ГМУ это ведёт к формированию «цифровой слепоты» власти: государство начинает видеть в гражданине не субъекта прав, а источник данных, подлежащих оптимизации. В условиях демографического кризиса такой подход (метафорический «калькулятор вместо садовника») становится критически опасным. Алгоритмические системы социальной помощи, ориентированные на выявление формальных несоответствий, игнорируют «контекст жизни», который не поддаётся оцифровке.

Как отмечает Шошана Зубофф (2019) [14], инструментальная власть не стремится к воспитанию или сочувствию; она стремится к модификации поведения через автоматизацию. Если семейный бюджет лишается поддержки из-за формального превышения дохода на незначительную сумму (выявленного алгоритмом при анализе транзакций), система демонстрирует математическую точность, но совершает биополитическую ошибку. Подобная механистическая справедливость разрушает доверие – базовый социально-экономический актив, необходимый для демографического роста.

Зарубежные исследователи, такие как Николас Диакопулос (2019) в работе «Автоматизация новостей» (раздел об алгоритмической подотчётности) [8], подчёркивают, что автоматизированные системы склонны к упрощению сложных социальных градиентов. Государство, полагающееся на ИИ в вопросах биополитики, утрачивает способность к «административному усмотрению». В итоге социально-экономические вызовы (бедность, низкая рождаемость) пытаются решить методами «инженерной оптимизации».

Однако, как доказывает Руха Бенджамин (2019) в книге «Гонка за технологиями» [7], технологическая фиксация проблем часто лишь «замораживает» социальную несправедливость в коде. В российском контексте это означает риск создания «цифровой мерзлоты», где управленческие решения принимаются безупречно с точки зрения бюджетного правила, но вступают в прямое противоречие с национальной задачей сбережения народа. Таким образом, предел алгоритмизации в ГМУ пролегает там, где заканчивается оптимизация ресурсов и начинается созидание будущего, требующее не вычислений, а государственного сочувствия и воли.

Особую остроту данная проблема приобретает в вопросах демографии, где формальная статистика подменяет индивидуальный контекст семейной ситуации.

Для алгоритма семья – это лишь сумма доходов, квадратных метров и транзакций. Для алгоритма семья является совокупностью количественных показателей (доходов, площади жилья, транзакций). ИИ в социальной сфере функционирует по принципу формального соответствия критериям. Системный сбой, наблюдаемый на практике, заключается в следующем: алгоритм «социального казначейства» анализирует право многодетной семьи на ежемесячное пособие и может вынести отрицательное решение на основании обнаружения разового перевода от родственников на лечение ребёнка или факта приобретения в кредит автомобиля для транспортной доступности образовательных учреждений.

Для ИИ данная ситуация интерпретируется как превышение имущественного ценза («доход на душу населения превысил прожиточный минимум»), что формально обосновывает аннулирование выплаты. С математической точки зрения такое решение безупречно, однако с этической – оно является катастрофическим, поскольку игнорирует реальные потребности. Алгоритм не учитывает, что незначительное превышение дохода не обеспечивает потребностей семьи, но лишение пособия приводит к существенному ухудшению её материального положения. «Милосердие» и «учёт контекста» для ИИ являются критическим «шумом» в данных, подлежащим фильтрации.

Таким образом, мы рискуем трансформировать государство в формальную систему, которая производит математически корректные, но социально неадекватные решения. В условиях демографического кризиса требуется не безошибочное распределение ресурсов, а государственное сочувствие. Если алгоритм лишает мать поддержки из-за формального превышения цифр, он работает не на бюджетную эффективность, а против демографического будущего. Необходимо законодательно закрепить право должностного лица на «человеческий маневр», иначе цифровой триумф рискует стать эпитафией нации, поглощённой оптимизацией собственных остатков.

Таблица 3

Риски «Цифровой слепоты» в социальной и демографической политике³

Социальный вызов	Логика «Калькулятора» (ИИ-подход)	Логика «Садовника» (Гуманитарный подход)
Поддержка семей	Поиск формальных причин для отказа (экономия бюджета)	Оценка реального жизненного контекста (сбережение народа)
Критерий успеха	Процент точности распознавания данных	Качество жизни и доверие гражданина к власти
Реакция на девиацию	Автоматический штраф/Отсечение от льгот	Выяснение причин («Прямой взгляд» на проблему)
Результат управления	Идеальная статистика в «цифровой мерзлоте»	Живое социально-экономическое развитие

Заключение: кризис субъектности и императив подотчётности в алгоритмическом государстве.

Подводя итог проведённому исследованию, необходимо констатировать, что тотальная алгоритмизация государственного управления (ГМУ) привела к формированию фундаментального антропологического вызова – *кризису субъектности*. Внедрение ИИ в контур принятия властных решений трансформировало классическую бюрократическую модель в анонимную технологическую структуру, где «цифровое алиби» становится легитимным способом уклонения от персональной ответственности.

³ Составлено автором на основе анализа [Кугай А.И. 2026, Lessig 2006; Pasquale 2015]

Исследование показало, что вера в «математическую святость» алгоритмов является деструктивной иллюзией. В условиях, когда «код становится законом», государственное управление утрачивает своё гуманитарное измерение. Мы наблюдаем переход от власти, обладающей лицом и совестью, к власти «чёрных ящиков», чьи решения непрозрачны, а предвзятость скрыта за авторитетом цифры. Антропологический риск здесь заключается не в техническом несовершенстве систем, а в деградации самого типа государственного служащего, который из активного морального субъекта превращается в техническое приложение к алгоритму.

В связи с этим научное сообщество и практики ГМУ должны признать критическую необходимость закрепления принципа *«человека в контуре»* – не просто как технологического интерфейса, а как базового юридического и этического требования. Центральным элементом этого подхода должен стать императив *«права на прямой взгляд»*.

С научной точки зрения «право на прямой взгляд» – это восстановление института *административного усмотрения*. Это утверждение того, что в любой системе принятия решений должен существовать «зазор для милосердия» и человеческого понимания контекста, который принципиально не поддаётся оцифровке [3; 5]. Это право гражданина требовать, чтобы окончательное решение, затрагивающее его базовые права (социальную поддержку, демографический статус, юридическую ответственность), принималось живым субъектом, способным к сопереживанию и персональной подотчётности.

Государство будущего не должно быть «безошибочной машиной» – оно должно оставаться союзом людей. Только через признание приоритета живой совести над программным кодом возможно преодоление цифровой тирании анонимных алгоритмов. Итогом развития ГМУ в эпоху ИИ должно стать не «сервисное государство» бездушных скриптов, а ответственное лидерство, где цифровая подпись всегда подтверждается живым рукопожатием, а технологическая эффективность – верностью духу закона и правде человеческой жизни.

Список литературы

1. Кугай А.И. «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации / А.И. Кугай, В.В. Михайлова // Управленческое консультирование. – 2019. – №7(127). – С. 90–99. DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-90-99. EDN ВСJATR
2. Кугай А.И. Дипфейк-технологии и трансформация концепции истины: от отражения к чистому симулякру / А.И. Кугай // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 10 февр. 2026 г.) / редкол.: Э.В. Фомин [и др.]. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 44–46. EDN УМОХУQ
3. Кугай А.И. Цифровизация и внедрение ИИ в муниципальное управление / А.И. Кугай // Актуальные вопросы современной науки и образования: XII Международная научно-практическая конференция (27 февраля 2026 г.). – Чебоксары: Среда, 2026.
4. Кугай А.И. Цифровой рубеж 2026: новая эра миграционного контроля в России / А.И. Кугай // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10 февр. 2026 г.) / редкол.: Э.В. Фомин [и др.]. – Чебоксары: Среда, 2026.
5. Кугай А.И. Методологические изменения и новые форматы в цифровом образовании в 2026 году / А.И. Кугай // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2026. – С. 97–99. EDN VSUCLV
6. Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов (План государственных преобразований) / М.М. Сперанский // Проекты и записки. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 143–221.
7. Benjamin R. Race After Technology: Abolitionist Tools for the New Jim Code / R. Benjamin. – Cambridge: Polity, 2019.
8. Diakopoulos N. Automating the News: How Algorithms Are Rewriting the Media / N. Diakopoulos. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019.

9. Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor / V. Eubanks. – New York: St. Martin's Press, 2018.

10. Eyal N. Hooked: How to Build Habit-Forming Products / N. Eyal. – New York: Portfolio, 2014.

11. Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace, Version 2.0 / L. Lessig. – New York: Basic Books, 2006.

12. O'Neil C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy / C. O'Neil. – New York: Crown, 2016.

13. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information / F. Pasquale. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.

14. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power / S. Zuboff. – New York: PublicAffairs, 2019.

15. Wu T. The Attention Merchants: The Epic Scramble to Get Inside Our Heads / T. Wu. – New York: Knopf, 2016.

Кугай Александр Иванович – д-р филос. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Санкт-Петербург, Россия.
